

Зачем божьему храму белый рояль?

Хорошо, что в Переславле-Залесском есть Институт программных систем. Хорошо, что директором института является профессор Альфред Карлович Айламазян, который любит строить. Учёные входят в строительные дела города мощно, смело, хотя и трудно им порой из-за веками складывавшихся традиций, определённого уклада жизни провинциального городка. Да и переславцев понять можно: жили тихо, мирно, и вдруг следует предложение коренному переславцу: освободи место, будем строить дом, но не беспокойся, мужик, дадим тебе квартиру.

Но ведь наше существование надо рассматривать во времени. А времена-то меняются. Халупы возросли в цене, земля начинает цениться, и у каждой старой домушки есть старый хозяин, а у него — сын, дочь, зять или сват в чужих краях. В раздумье хозяин, не желает перебираться в «айламазяновские» хоромы. И потенциальный переселенец, и застройщик-заказчик начинают апеллировать к властям: один козыряет личной собственностью и судом, другой — проектом застройки, утверждённым... В каком году? Вот-вот...

И начинается тяжба, в результате которой институт имеет не более 50 процентов квартир от построенных. Институтские политики начинают размышлять, где тот компромисс, удобоваримый для всех сторон. Нельзя ведь нести колоссальные финансовые расходы и иметь минимум недвижимости. Теряя на новом строительстве, учёные принялись за восстановление старого фонда, который имеет стены и фундамент.

Вот так и выходит предприимчивый Альфред Карлович из лабиринта безысходности. И даже хватает сил восстанавливать разрушенный Фёдоровский монастырь. Но здесь-то у Альфреда Карловича не всё получается, как у христианина. А хотелось бы, чтобы духовность и рационализм не вступали бы в резкое противоречие. Однако случился не то что нонсенс, а гораздо большее — святотатство. Может, просветители из музея и представители общества охраны памятников почему-то не захотели или не смогли собраться с духом, чтобы остановить каменщиков кооператива «Элегия», которые во Введенской церкви, у левого клироса, взяли и построили туалет. Утеплённый...

Остановился я у разбитой плиты, повествовавшей о захоронении какого-то именитого человека. Прощёлся по верху, по низу храма — славно поработали каменщики, качественно, а душа почему-то не радуется. И купол красивый, кресты и главки — загляденье. Но не радуется. Хорошо, что как раз встретился на территории монастыря Владимир Панфилов, заместитель директора нашего художественно-исторического музея. Попросил я его поподробнее рассказать о Введенской церкви, её истории.

— Фёдоровский монастырь построен в XVI веке. Введенская церковь возведена на средства царевны Натальи Алексеевны, любимой сестры Петра Великого. Здесь погребена монахиня Наталья Ивановна Взимкова, дочь дьяка Государевой мастеровой палаты Ивана Взимкова. А крёстной матерью её была мать того же Петра Великого. Во Введенском храме были захоронены, как гласит надпись, «раб божий генерал Павел Иванович Ягужинский, жена его Агафья Фёдоровна, дочь Хитрова».¹ А у столпа на клиросе выбито: «Лета... 1726 декабря в 21 день... в 3-ем часу дня преставился раб божий Андрей Взимков, а жития его 33 года...» «1773 года июля в 22 день в 6 часу дня на память св. равноапостольной Марии Магдалины

*Северюков, Ю. Зачем божьему храму белый рояль? / Ю. Северюков // *Северный край*. — 1994. — 10 марта. — С. 2.

¹Тут ошибка. По Свириелину, надпись такая: «1733 году июля в 30-й день на память св. Апостол Силы и Силуана и иже с ними преставился раба Божия генерала Павла Ивановича Ягужинскаго жена его Агафия Фёдоровна дочь Хитрова погребена 3-го августа». Надпись про Головину тоже с ошибками, а надпись про Взимкова у Свириелина не отмечена. — *Ред.*

преставилася раба божия Азовского полка господина полковника Ивана Ивановича Головина жена его Пелагея Дмитриевна, дочь Арсеньевых, жития ей от роду ... лет и погребена здесь».

Все эти погребения по соседству с местом, где сейчас сооружён туалет...

Я спросил Владимира Ивановича о его отношении к внутреннему переустройству церкви.

— Конечно, сугубо отрицательное: прошло то время, когда храмы использовали под складские помещения, мастерские МТС. И это прекрасно. Но и учёным не стоит храм делать под себя...

Чтобы убедиться в правоте Панфилова, пришлось пообщаться с авторитетом — Иваном Борисовичем Пуришевым, членом Российской академии архитектуры, профессором, а также с главным архитектором города Валерием Андреевичем Поповым. Из их слов выходило, что заместитель директора Института программных систем Геннадий Михайлович Чупретов проявляет самостоятельность, не считаясь с авторитетом профессионалов-реставраторов и знатоков старины. Тот проект реставрации, разработанный ещё лет 10—15 назад, устарел, потому что о прямом назначении строений монастыря речь тогда не шла. Абы как сохранить и найти хоть какого-то хозяина. Вот и решили тогда Введенскую церковь использовать под клуб деловых встреч, конференц-зал. Установить решили там белый рояль. Внизу церкви планировалось и уже выполнено помещение под бар...

Поисповедовались реставраторы и хранители памятников старины в том, что не в силах направить помыслы Г. Чупретова на исправление ошибок, означенных в проекте, потому как Геннадий Михайлович чисто земснаряд — в одном направлении шурует. И слушать ни Пуришева, ни Попова не желает. И внутренний интерьер делает по своему разумению. Покаялся И. Б. Пуришев, что подпись когда-то под проектом свою поставил только потому, что не мог больше спорить, и только для того, чтобы согласование проекта на реставрацию в Москве состоялось быстрее. А сейчас вот профессора к ведению внутреннего обустройства и близко не подпускают, хотя замечаний у него накопилось много. Пытался писать докладные о неправильном ведении работ, но его учёные успокоили, а сами продолжали всё в прошлом измерении. Вот и забор железобетонный («временный») построен, и культурный слой распахали, сделали пристройку и «цветом оторвали» от ансамбля. Кровля, которую выполняют сейчас реставраторы, получается «своеобразной», не соответствующей проекту, архитектуре.

Посетовал Иван Борисович на то, что и сами священнослужители допускают ошибки: у Сретенской церкви поставили каменный сарай на могилах, потом второй этаж начали пристраивать.

Что тут скажешь: не иначе как возрождение через святотатство. В любом случае учёные должны восстанавливать святыни, соблюдая христианские каноны, показывая уважительное отношение к «отеческим гробам».

Прояснить отношение к переустройству Введенской церкви я попросил заместителя проректора Сергиев-Посадской духовной академии отца Анатолия:

— Есть указ президента и есть закон, которые предписывают, как можно использовать религиозные дома, церкви. И то, что делают во Введенской церкви, — пустая трата денег. Всё равно придётся сделать так, как того требует святое предписание...

К слову, отец Анатолий назначен настоятелем Никитского и Даниловского монастырей, и с его помощью в их стенах затеплилась жизнь.

...Начал я с Фёдоровского монастыря, с Введенской церкви и закончу разговором о них же. То, что Институт программных систем ведёт восстановление монастыря — очень хорошо. И то, что средства находит, работу реставраторам даёт — тоже хорошо. Но деньги институт получает на восстановительные работы непосредственно из Министерства культуры, из бюджета, а не собственные расходует, как хотел убедить в этом профессор Айламазян. Так что на зарплате учёных это не отражается, и не стоит себя выставлять в роли бессребреников. А вот взаимодействовать учёным с авторитетами в области старинного зодчества и охраны памятников старины — надлежит.

Недавно я опять зашёл во Введенскую церковь: сантехники занимались обустройством туалета. Спросил каменщиков, плиточников, где, по их мнению, должен стоять белый рояль. Один из них ответил мне строкой известной частушки: «На хрена попу гармошка, если парень он Тимошка?»

Рабочие рассмеялись, а я подумал: действительно, зачем церкви белый рояль, туалет наверху и питейный бар внизу?